

A dark, gothic cathedral with a glowing red orb in its central window, surrounded by flames and a figure in a cloak.

Александр Восьмой

**Ужасы Ворота
Парацельса**

Александр Восьмой
Ужасы Ворота Парацельса

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы Ворот Парацельса / А. Восьмой — «Автор», 2026

В мрачном мире, где культы извращают святыне храмы, а тени шепчут проклятия, наступает час безжалостной охоты. Герой — одержимый мститель, что идёт за головами, словно за трофеями в изуродованных мечетях и храмах. Его слова — клятва и приговор: он восстал из пепла, чтобы стать смертью для тех, кто прячется во тьме. Отсылки к трагедиям гугенотов, ярости Цезаря и тайнам Парацельса сплетаются в вихрь мечей и огня, где каждый шаг грозит стать последним. Это история о кровавой расплате, где охотник не знает пощады, а судьба жертв решается в мгновениях свирепого урагана стали. Мрачная, яростная, гипнотически притягательная — эта книга погружает в бездну, где страх и возмездие идут рука об руку.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы Ворота Парацельса

Глава 1. «Проклятый перекрёсток: первый шёпот теней»

Город будто выдохнул жизнь и теперь дышал только тьмой. Перекрёсток, где сходились три улицы, казался не точкой на карте, а раной — глубокой, неровной, сочащейся чем-то густым и холодным. Асфальт здесь потрескался так, будто земля пыталась что-то вытолкнуть наружу. В трещинах темнели сухие прожилки, похожие на застывшую кровь.

Герой остановился ровно посередине, там, где линии дорожной разметки сходились в уродливую звезду. Он не любил стоять на перекрёстках. В его ремесле перекрёстки были местами, где реальность спотыкалась. Где тени не просто удлинялись — они начинали говорить.

На стенах домов проступали кровавые кресты. Не размашистые мазки, не брызги, а чёткие, почти аккуратные линии, будто кто-то вывел их твёрдой рукой, зная цену каждому штриху. Точно такие же кресты ставили на дверях в дни гонений — метки, по которым охотники находили свои жертвы. Только теперь охотник был здесь, посреди этой тишины, и чувствовал, как сама тьма тянется к нему, словно узнаёт своего палача.

В воздухе висел запах гари и железа. Не тот запах, что остаётся после пожара, а тяжёлый, въедливый, будто где-то совсем рядом рвали металл и жгли плоть. Этот запах не рассеивался — он оседал на коже, въедался в одежду, становился частью тебя.

Из тёмных проходов между домами доносились шёпоты. Не слова — скорее обрывки звуков, которые складывались в ритм, в сердцебиение города. Иногда казалось, что из темноты кто-то зовёт по имени, но стоило повернуть голову — и звук рассыпался, превращаясь в скрип старой вывески или шелест ветра в пустых окнах.

Герой провёл ладонью по рукояти меча. Металл был холодным, но не таким холодным, как воздух. Он знал: если сейчас развернуться и уйти, город сделает вид, что ничего не было. Кресты исчезнут, шёпоты умолкнут, а запах гари растворится в утреннем тумане. Но он не мог уйти. Охота уже началась.

Тени на перекрёстке двигались не так, как положено теням. Они не следовали за движением фонарей, не исчезали в свете редких окон. Они жили своей жизнью — тянулись, сжимались, вытягивались, словно пробуя воздух на вкус. Одна из них скользнула по его сапогу, и на мгновение ему показалось, что она оставила на коже тонкую царапину.

Он сделал шаг вперёд, и перекрёсток ответил ему тишиной. Не обычной тишиной пустого города, а густой, плотной, как смола. В этой тишине можно было услышать, как бьётся собственное сердце, как скрипит кожа перчаток, как где-то вдалеке кто-то медленно проводит лезвием по камню.

И тогда из темноты прозвучало первое слово. Не крик, не вопль, а тихий, почти ласковый шёпот, который, казалось, исходил сразу отовсюду:

— Ты пришёл.

Герой не обернулся. Он знал, что если обернётся, то увидит не человека, а пустоту, которая приняла человеческий облик. Вместо этого он крепче сжал рукоять меча и шагнул туда, где тьма была гуще всего.

— Да, — прошептал он в ответ, и его голос прозвучал неожиданно громко в этой удушающей тишине. — Я иду за головами.

Слова отозвались эхом, но эхо звучало не так, как должно. Оно не повторяло его фразу — оно искажало её, превращая в обрывки чужих голосов, в шёпот тысяч людей, которые когда-то стояли на этом перекрёстке и не смогли уйти.

«Будто люди мечетей... Храмов, изуродованных культами черни...»

Фраза возникла в его голове сама собой, не как воспоминание, а как знание, которое всегда было там, но ждало своего часа. Он знал теперь: это не просто охота. Это ритуал. И он — его часть.

Где-то в глубине города раздался глухой удар, похожий на стук лопаты о землю. Звук был далёким, но чётким, будто кто-то специально хотел, чтобы его услышали.

Красный Фред копал. И он копал не могилу — он прокладывал путь.

Герой стиснул зубы. Он знал, кто такой Красный Фред. Знал, что тот не оставляет следов, но всегда оставляет знаки. И знал, что следующая яма будет предназначена для него.

Перекрёсток больше не был просто точкой на карте. Он стал ловушкой. И герой вошёл в неё добровольно.

Ещё один шаг — и тени сомкнулись за его спиной, отрезая путь назад. Теперь у него был только один путь — вперёд, туда, где кресты на стенах становились всё ярче, а шёпоты — всё громче.

Охота началась. И первая жертва ещё не была найдена. Но она уже ждала.

Глава 2. «Храм без лица: где культы прячут имена»

Храм стоял на окраине мёртвого квартала — не как святилище, а как шрам на теле города. Его купол был сорван, будто кто-то с яростью отломил верхушку, обнажив пустоту внутри. Колонны, некогда величественные, теперь напоминали сломанные пальцы, тянущиеся к небу, которое отказывалось их замечать.

Герой ступил на порог, и камень под ногой отозвался не хрустом пыли, а глухим стоном — будто само здание помнило, как здесь звучали молитвы, и теперь горело от того, во что его превратили.

Стены были изуродованы. Не просто исцарапаны — именно изуродованы, словно кто-то намеренно стирал у храма лицо. Иконы исчезли, но на их местах остались тёмные прямоугольники — как выжженные глаза. Вместо образов святых по камню ползли ритуальные символы: спирали, ломаные кресты, круги с перечёркнутыми линиями, будто кто-то пытался написать язык, который не должен существовать.

В воздухе висел запах воска, смешанный с чем-то едким — будто здесь жгли не свечи, а бумагу, кожу, кости. Тени в углах не лежали спокойно: они шевелились, как живые существа, собираясь в плотные сгустки, которые на мгновение принимали очертания человеческих фигур — и тут же рассыпались, стоило герою сделать шаг.

Он двигался медленно, не доверяя тишине. В аниме-стилистике этот момент выглядел бы как череда резких ракурсов: крупный план дрожащей тени на стене, затем — взгляд героя сквозь пролом в куполе на чёрное небо, потом — резкий переход к его напряжённым пальцам на рукояти меча. Мир будто дрожал на грани кадра, готовый сорваться в безумие.

В центре зала, там, где раньше стоял алтарь, теперь чернела яма. Края её были неровными, будто её не копали лопатой, а вырывали когтями. Вокруг ямы на полу тянулась цепочка символов, выцарапанных прямо в камне. Герой присел, чтобы рассмотреть их ближе, и почувствовал, как холод поднимается из ямы, обволакивая ноги, словно вода.

За ямой, в нише, которую раньше, вероятно, занимала статуя, он заметил что-то, похожее на свёрток. Ткань была чёрной, прожжённой по краям, будто её пытались сжечь, но огонь не справился. Внутри лежал дневник.

Кожаная обложка была покрыта теми же символами, что и стены. Когда герой коснулся её, металл на застёжке на мгновение стал обжигающе горячим, а потом — ледяным. Он открыл первую страницу и замер.

Строки были искажены. Не просто неразборчивые каракули, а именно искажённые: буквы будто сопротивлялись быть прочитанными. Они изгибались, перетекали друг в друга, складывались в узоры, которые напоминали лица — мёртвые, застывшие в крике. Некоторые

слова выглядели так, будто чернила пытались сбежать со страницы: по бумаге тянулись тонкие чёрные дорожки, как следы насекомых.

Но среди этого хаоса проступали отдельные фразы, выписанные с пугающей чёткостью:

«Имена нельзя произносить. Имена — это двери. Если назвать имя, дверь откроется, и то, что за ней, выйдет наружу...»

«Мы не поклоняемся. Мы пробуждаем. Каждый символ — ключ. Каждая жертва — замок...»

«Он придёт. Тот, кто идёт за головами. Мы оставили ему знаки, чтобы он не сбился с пути. Но пусть не думает, что он охотник. Он — часть охоты...»

Герой провёл пальцем по строке, и на коже остался тонкий чёрный след, похожий на сажу. Он хотел стереть его, но пятно не стиралось — оно впитывалось.

Внезапно в глубине храма что-то щёлкнуло. Звук был тихим, почти незаметным, но в этой мёртвой тишине он прозвучал как выстрел. Герой резко обернулся, но зал был пуст. Только тени в углах стали гуще, плотнее, будто собрались в ожидании.

И тогда из темноты прозвучал шёпот — не голос, а скорее вибрация воздуха, которая проникала прямо в кости:

— Ты нашёл дневник... Теперь ты знаешь слишком много.

Герой сжал дневник крепче, но не обернулся. Он знал: если обернётся, то увидит не человека, а пустоту, которая приняла человеческий облик.

— Кто ты? — спросил он, и его голос прозвучал неожиданно твёрдо в этой удушающей тишине.

Ответ пришёл не в словах, а в образе, вспыхнувшем перед глазами, как чужой воспоминание: узкая улица, выцветшая вывеска, дверь с облупившейся краской — и имя, написанное мелом на стене. Имя, которое он не должен был знать.

Тень прошептала его вслух:

— Маркел.

Имя повисло в воздухе, как проклятие. Герой почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток. Маркел был не просто именем. Это была следующая цель.

«Я иду за головами, будто люди мечетей... Храмов, изуродованных культами черни...»

Фраза снова возникла в его голове, но теперь она звучала не как мысль, а как клятва, которую он когда-то дал — или которую ему внушили. Он вспомнил обрывок видения: он сам ставит крест на двери, и рука его не дрожит.

Где-то далеко, за пределами храма, раздался глухой удар — такой же, как прошлой ночью. Лопата врезалась в землю. Красный Фред снова копал. И на этот раз яма была не для чужого.

Герой захлопнул дневник и сунул его за пазуху. Холод бумаги проникал под кожу, но он не обращал внимания. Теперь у него была цель — и у культа был план. Он стал частью этого плана, даже если не хотел этого.

Он шагнул к выходу, и тени расступились перед ним, но сомкнулись за спиной, отрезая путь назад. Храм больше не был просто заброшенным зданием. Он был ловушкой, архивом проклятий, хранилищем имён, которые нельзя произносить.

Охота продолжалась. И следующая жертва уже знала, что за ней идут.

Глава 3. «Охота в лабиринте: когда коридоры дышат»

Здание не было просто домом — оно было ловушкой, выстроенной из страха. Герой шагнул в подъезд, и дверь за ним захлопнулась с таким звуком, будто кто-то намеренно отрезал ему путь назад. Замок щёлкнул, как челюсти.

Коридор впереди казался обычным: облупившаяся краска, тусклый свет одинокой лампы, пыль, кружащаяся в воздухе. Но стоило сделать несколько шагов, как пространство

начало меняться. Стены не просто сдвигались — они *вздыхали*. Между кирпичами проступали тонкие трещины, похожие на морщины. Пол слегка пружинил под ногами, будто под досками скрывалось что-то живое.

Герой достал клинок. Металл слабо засветился тусклым голубым светом — не от магии, а от напряжения, будто сталь чувствовала, что здесь обычное железо не поможет. В аниме-стилистике этот момент выглядел бы как резкий переход: камера скользит вдоль лезвия, затем резко взмывает вверх, показывая, как коридор вытягивается в невозможную перспективу, уходя в темноту, где не должно быть конца.

Он шёл по следу — по чёрным пятнам на полу, по обрывкам ткани, по едва заметным царапинам на стенах. Но с каждым поворотом след становился всё менее надёжным. То пятно оказывалось просто тенью, то царапина — трещиной в штукатурке. Лабиринт играл с ним, подкидывая ложные улики, заставляя сомневаться в собственном восприятии.

В одном из пролётов он замер. Впереди, в полумраке, мелькнул силуэт. Высокий, прямой, с чем-то длинным в руке — то ли посох, то ли оружие. Герой напрягся, готовясь к атаке, но когда шагнул вперёд, фигура растворилась, оставив после себя лишь лёгкое колебание воздуха и запах сырости.

— Ты не первый, кто сюда пришёл, — прозвучало из ниоткуда. Голос был низким, хриплым, будто его выталкивали из глубины здания. — Но ты, возможно, последний.

Герой не ответил. Он знал: в таких местах слова — это приманка. Вместо этого он двинулся дальше, стараясь ступать бесшумно, но каждый шаг отдавался эхом, которое звучало не так, как должно. Эхо не повторяло его шаги — оно добавляло к ним чужие, лёгкие, почти кошачьи.

Коридоры удлинялись. Лестницы вели туда, где раньше не было этажей. Двери появлялись в стенах, где их не могло быть, и тут же исчезали, оставляя после себя ровные, будто никогда и не было проёма, поверхности. Здание дышало, и каждый его вдох менял планировку.

В какой-то момент герой понял, что идёт по кругу. Та же облупившаяся цифра «3» на стене, та же трещина в форме молнии, тот же запах — плесени и чего-то металлического. Он остановился, закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, но даже темнота за веками двигалась — пульсировала, как живое существо.

И тогда он услышал шаги. Не эхо, не иллюзию — настоящие шаги. Тяжёлые, уверенные, приближающиеся. Кто-то шёл за ним. Или, вернее, *навстречу* ему.

Когда он открыл глаза, в конце коридора стоял человек. Не тень, не призрак — реальный человек в тёмном плаще, с капюшоном, скрывающим лицо. В руке он держал не меч и не пистолет, а длинный тонкий стержень, похожий на жезл, но с неровными, будто оплавленными краями.

— Наконец-то, — сказал незнакомец, и в его голосе не было ни злобы, ни торжества — только усталость. — Я думал, ты никогда не найдёшь этот проход.

Герой крепче сжал рукоять клинка.

— Кто ты?

— Тот, кто пытается остановить эту охоту, — ответил человек, делая шаг вперёд. — Ты думаешь, что ты охотник. Но ты — часть механизма. Каждый твой шаг запускает следующий виток ритуала. Убей одну цель — и появится другая. Поставь крест на двери — и дверь откроется для чего-то худшего.

— Я не часть их плана, — процедил герой.

— Ты уже часть, — спокойно ответил незнакомец. — Просто ещё не видишь всей картины. Я был таким же. Верил, что могу очистить город. А потом понял: этот лабиринт не выпускает тех, кто в него вошёл.

— Значит, ты тоже охотишься? — спросил герой, не опуская клинка.

— Нет, — покачал головой человек. — Я охочусь *на охоту*. Я ищу тех, кто дёргает за нити, пока ещё можно разорвать узор. И ты — один из этих узлов.

Они стояли друг напротив друга, разделённые десятком метров темноты и тысячами невысказанных вопросов. В воздухе висело напряжение, готовое взорваться в любую секунду.

— Уйди с дороги, — тихо сказал герой.

— Не могу, — так же тихо ответил незнакомец. — Если ты пройдёшь дальше, ритуал завершится. И тогда то, что прячется за этими стенами, выйдет наружу. Я не позволю этому случиться. Даже если придётся остановить тебя силой.

Их взгляды встретились, и в этот миг здание снова вздохнуло. Стены сдвинулись, коридор сжался, будто пытаясь подтолкнуть их друг к другу. Свет лампы мигнул и погас, погрузив всё в абсолютную темноту — на мгновение, которое длилось слишком долго.

А когда свет вернулся, незнакомец уже двигался. Его жезл вспыхнул тусклым красным светом, и воздух вокруг него исказился, как над раскалённым камнем. Герой бросился вперёд, клинок описал дугу, рассекая тьму.

Удар. Отдача. Звон металла о металл.

Первый обмен ударами был не битвой, а разговором на языке стали: каждый выпад задавал вопрос, каждый блок был ответом. В аниме-стилистике эта сцена превратилась бы в калейдоскоп ракурсов: замедление в момент столкновения клинков, брызги искр, похожие на падающие звёзды, резкие переходы от крупных планов напряжённых мышц к общим видам коридора, который продолжал меняться, изгибаясь вокруг них, как живое существо.

Незнакомец был быстр. Слишком быстр для обычного человека. Его движения были отточены, почти механичны, будто он сражался не впервые и знал, чего ожидать от противника.

— Ты не сможешь победить их, — выдохнул он между ударами. — Они используют твой гнев, твою решимость. Ты думаешь, что идёшь по следу, а на самом деле они ведут тебя.

— Тогда скажи, куда мне идти, — прорычал герой, отбивая очередной удар.

— Никуда, — ответил незнакомец, отступая на шаг. — Остановись. Пока ещё можно.

Но герой не мог остановиться. Не потому, что был упрямым, а потому, что знал: если он остановится, то услышит шёпот, который уже начал пробираться в его сознание, — шёпот, обещающий, что следующая жертва ждёт, что кресты на дверях уже нарисованы, что Красный Фред копает новую яму.

Ещё один удар. Ещё один отскок. Коридор снова изменился — теперь он вёл не вперёд, а вниз, в тёмную шахту, откуда тянуло холодом и запахом сырой земли.

Незнакомец замер, глядя туда, куда теперь вёл путь.

— Туда нельзя, — прошептал он. — Это не выход. Это вход.

Но герой уже сделал шаг в темноту.

— Я иду за головами, — произнёс он, и его голос прозвучал твёрдо, почти равнодушно. — И я не остановлюсь, пока не закончу.

Незнакомец хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Вместо этого он просто кивнул, будто признал поражение.

— Тогда будь осторожен, — наконец произнёс он. — Лабиринт не любит тех, кто идёт напролом. Он запоминает их шаги... и потом возвращает их обратно.

Герой не обернулся. Он шагнул в темноту шахты, и коридор за его спиной сомкнулся, словно его никогда и не было. Только слабый отзвук шагов незнакомца ещё какое-то время висел в воздухе, смешиваясь с тяжёлым дыханием здания.

Где-то далеко, за пределами этого проклятого места, снова раздался глухой удар лопаты о землю. Красный Фред не останавливался. Он копал, прокладывая путь туда, где тьма была гуще всего.

Охота продолжалась. И теперь у неё было два охотника — и оба не знали, кто из них дичь.

Глава 4. «Крест на двери: эхо Гугенотов»

Он остановился перед дверью — обычной, ничем не примечательной, с облупившейся краской и ржавым номером, который уже почти стёрся от времени. Но на косяке, прямо над петлями, темнел крест. Не размашистый, не кричащий, а аккуратный, будто выведенный твёрдой рукой, знавшей цену каждому штриху.

Герой коснулся его кончиками пальцев. Дерево под крестом было холодным, но не от сквозняка — от чего-то иного, тяжёлого, осевшего здесь годами. И в тот же миг мир вокруг дрогнул, как кадр в сломанном проекторе.

Вспышка.

Он увидел не подъезд, не облупившиеся стены, а узкую улочку старого города, мощёную булыжником. Дождь лил стеной, размывая контуры домов, но крест на двери оставался чётким, резким, словно вырезанный в воздухе. На ступенях стоял человек в плаще, с опущенной головой. Он не кричал, не умолял — он просто ждал. А из темноты выходили фигуры в капюшонах, и шаги их звучали как приговор.

Ещё вспышка.

Теперь перед ним была не улица, а зал суда — холодный, пустой, с высокими сводами. На скамье подсудимых сидели десятки людей, их лица были спокойны, будто они уже смирились с тем, что должно случиться. Судья читал приговор, и каждое слово падало, как камень в бездонную яму. В углу зала кто-то тихо шептал молитву, но звук не долетал до потолка — он тонул в тишине, которая была страшнее крика.

Ещё вспышка.

Костёр. Запах гари, который въедался в лёгкие, делал каждый вдох мучительным. Пламя рвалось вверх, жадное, неумолимое, и тени от него плясали на стенах, складываясь в знакомые символы — те самые, что он видел в заброшенном храме.

Герой отдёргнул руку, и видения рассыпались, как осколки стекла. Он снова стоял в подъезде, перед обычной дверью с крестом. Но теперь он знал: этот крест — не просто метка. Это эхо. Эхо гонений, которые повторялись снова и снова, меняя лишь декорации.

«На вас ставят кресты, как на дверях Гугенотов...»

Фраза прозвучала в его голове чужим голосом — но он узнал его. Это был голос из дневника, найденного в храме. Слова впивались в сознание, раскрывая смысл, который он не хотел видеть.

Култ не просто убивал. Он воссоздавал историю, перекраивая её под свои нужды. Каждая жертва должна была повторить судьбу исторической фигуры: стать мучеником, предателем, героем — кем угодно, лишь бы ритуал замкнулся. Крест на двери был не знаком охотника — он был приглашением на казнь, оформленным в стиле прошлых веков.

В аниме-стилистике эта череда воспоминаний выглядела бы как стремительный монтаж: резкие смены ракурсов, наложение кадров друг на друга, полупрозрачные силуэты прошлого, накладывающиеся на настоящее. Камера скользила бы по лицам людей из прошлого, задерживаясь на их глазах — в них не было страха, только усталость от неизбежности.

Герой достал дневник, найденный в храме, и раскрыл его на случайной странице. Строки по-прежнему извивались, сопротивляясь чтению, но теперь некоторые фразы стали понятнее, будто его сознание наконец смогло их расшифровать:

«Ритуал требует повторения. История — это форма, которую можно наполнить новой кровью. Пусть жертва станет эхом прошлого — и тогда врата откроются».

«Мы не изобретаем страдания. Мы возвращаем их туда, где они были забыты. Каждый крест — это ключ. Каждая смерть — замок».

Он провёл пальцем по странице, и чёрный след на коже стал чуть ярче, будто чернила признавали в нём участника ритуала.

Внезапно в кармане что-то завибрировало. Герой достал небольшой предмет — металлическую пластину с выгравированными символами, которую нашёл в храме. Она нагрелась, и на поверхности проступили новые знаки, которых раньше не было. Они складывались в имя: Маркел.

То самое имя, которое прошептала тень в храме.

Теперь герой понимал: Маркел должен повторить чью-то судьбу. Стать эхом кого-то из прошлого. И культ уже выбрал, кого именно.

Он поднялся по лестнице, перешагивая через ступени, которые скрипели, будто пытались его остановить. На следующем этаже была ещё одна дверь с крестом. И ещё одна. И ещё. Они шли цепочкой, как костяшки домино, готовые упасть одна за другой.

Где-то внизу хлопнула дверь. Звук был резким, неожиданным, и от него по стенам пробежала лёгкая дрожь. Герой замер, прислушиваясь. Шагов не было — только тишина, в которой чувствовалось чьё-то присутствие.

Из тёмного угла донёсся тихий, почти ласковый голос:

— Ты видишь узор, не так ли?

Герой медленно повернулся. В тени стоял человек — не тот, с кем он сражался в лабиринте, а кто-то другой. Высокий, худой, в длинном пальто, с лицом, наполовину скрытым тенью. В руке он держал тонкий металлический стержень, похожий на тот, что был у незнакомца в лабиринте, но более изящный, словно созданный не для боя, а для ритуалов.

— Что ты знаешь об узоре? — спросил герой, не опуская взгляда.

— Достаточно, чтобы понимать, что ты не сможешь его разорвать, — спокойно ответил человек. — Ты думаешь, что идёшь по следу, а на самом деле ты следуешь по линиям, которые мы начертили. Каждый твой шаг повторяет шаг кого-то из прошлого. Ты — эхо, которое должно прозвучать.

— Я не эхо, — процедил герой.

— Тогда докажи это, — человек слегка наклонил голову. — Остановись. Уйди. Забудь про Маркела, про кресты, про всё, что ты видел. Если сможешь — значит, ты свободен. Если нет — значит, ты уже часть узора.

Герой не ответил. Он знал, что не сможет остановиться. Не потому, что был упрямым, а потому, что видел лица из вспышек — людей, которые ждали своей участи с пугающим спокойствием. Он не мог допустить, чтобы история повторилась. Даже если для этого ему придётся стать её частью.

Человек в пальто чуть улыбнулся — не радостно, а устало, будто давно знал этот ответ.

— Так я и думал, — прошептал он. — Ты не можешь остановиться. Никто не может, когда узор уже начал складываться.

Он сделал шаг назад, растворяясь в тени, и только стержень в его руке на мгновение вспыхнул тусклым светом, прежде чем исчезнуть.

— Помни, — прозвучал из темноты его голос. — Крест на двери — это не метка охотника. Это приглашение. И ты только что его принял.

Тишина снова опустилась на подъезд, тяжёлая, густая, как дым. Герой посмотрел на дверь с крестом, затем на дневник в своей руке. Страницы слегка шевелились, будто от невидимого ветра, и символы на них медленно меняли форму, складываясь в новый узор.

Он знал, что должен сделать. Должен найти Маркела. Должен разорвать этот узор, даже если для этого придётся пройти через те же испытания, что и люди из прошлого.

Где-то далеко, за пределами этого дома, раздался глухой удар лопаты о землю. Красный Фред копал. Он всегда копал там, где должен был упасть следующий крест.

Герой шагнул к двери. Рука потянулась к ручке, но замерла в сантиметре от неё. Он вспомнил лица из вспышек, их спокойствие, их готовность принять судьбу. И понял: он не может позволить Маркелу пройти через это.

Он резко дёрнул дверь на себя.

Внутри было темно. Пахло пылью и чем-то старым, давно забытым. В центре комнаты стоял стул, а на спинке его висела старая фотография — чёрно-белая, выцветшая. На ней была группа людей, стоящих перед зданием, похожим на храм. Лица были размыты, но одно из них казалось знакомым.

Герой подошёл ближе и перевернул фотографию. На обороте аккуратным почерком было выведено: «1685. Последний сбор».

1685 год. Отмена Нантского эдикта. Гонения на гугенотов.

Узор замкнулся.

«Я иду за головами, будто люди мечетей... Храмов, изуродованных культами черни...»

Теперь эта фраза звучала не как клятва, а как проклятие, которое он нёс с собой. Он понял, что охота — это не просто расправа. Это ритуал, который пытался оживить прошлое, заставить его кровоточить заново. И он был тем, кто должен был этому помешать.

Герой сунул фотографию в карман, рядом с дневником. Холод металла и бумаги проник под кожу, но он не обращал внимания. Теперь у него была не просто цель — у него была миссия.

Он вышел из комнаты и закрыл дверь. Крест на косяке слегка мерцал, будто пытался удержать его, заставить остаться и принять свою роль в ритуале. Но герой не остановился.

Охота продолжалась. Но теперь она была не только охотой на жертв — она становилась охотой на сам ритуал. И он был готов заплатить любую цену, чтобы разорвать этот узор.

Глава 5. «Парацельс и ворота пепла: формула, что сжигает изнутри»

Лаборатория пряталась в подвале старого химического корпуса — будто само здание стыдилось того, что породило в своих недрах. Герой спустился по узкой лестнице, где каждая ступенька отзывалась глухим, почти болезненным стоном, словно ступени помнили тяжесть шагов тех, кто спускался сюда в поисках невозможного.

Воздух внизу был густым, тяжёлым, пропитанным запахом гари, старой бумаги и чего-то металлического, будто здесь годами жгли не только уголь, но и саму суть вещей. На стенах темнели масляные потёки, похожие на застывшие слёзы. Вдоль коридора тянулись двери с железными табличками, почерневшими от времени; надписи на них давно стёрлись, но контуры букв всё ещё угадывались, как шрамы.

Он толкнул одну из дверей — ту, что была чуть приоткрыта, будто её оставили специально для него. Петли скрипнули, и звук прозвучал неестественно громко, как треск разрываемой ткани.

Внутри царил хаос, который выглядел слишком продуманным, чтобы быть случайным. Столы были завалены склянками, колбами, металлическими конструкциями странной формы — словно кто-то пытался собрать из подручных материалов врата в иной мир. На полу валялись листы бумаги, исписанные мелким, почти отчаянным почерком. Некоторые страницы были обуглены по краям — будто сами знания оказались слишком горячими, чтобы их хранить.

В аниме-стилистике эта сцена выглядела бы как серия резких, контрастных кадров: крупный план дрожащей руки, тянущейся к склянке; затем — взгляд сквозь мутное стекло на тёмную жидкость, которая едва заметно пульсирует; следом — общий план лаборатории, где тени от оборудования складываются в зловещие силуэты, будто в комнате прячется не один, а множество наблюдателей.

Герой поднял один из листов. Чернила расплывались, образуя странные узоры, напоминающие венцы или короны из шипов. Но среди этого хаоса проступали отдельные фразы, выписанные с пугающей чёткостью:

«Боль — это катализатор. Смерть — это реакция. Перерождение — это продукт, который мы обязаны получить».

«Ворота Парацельса не открываются ключом. Они открываются кровью и знанием. Тот, кто пройдёт сквозь них, не вернётся прежним — или не вернётся вовсе».

«Мы верим, что бессмертие — это не отсутствие смерти, а способность пережить её снова и снова, каждый раз теряя часть себя. Это цена, которую мы готовы платить».

Он провёл пальцем по строке, и на коже остался тонкий чёрный след — не сажа, не чернила, а что-то иное, будто сама бумага пыталась передать ему часть своего проклятия.

В центре комнаты стоял массивный стол, на котором покоился металлический объект, напоминающий раскрытую книгу с пластинами вместо страниц. Каждая пластина была покрыта гравировкой: алхимические символы, формулы, имена святых и демонов, перемешанные так, будто автор пытался найти точку их пересечения. В углублениях между пластинами темнели следы чего-то высохшего — тёмно-красного, почти чёрного.

Рядом лежал дневник. Кожаная обложка была обожжена, углы обуглены, но не рассыпались — они словно затвердели от жара, став почти металлическими. Страницы внутри были тонкими, как папирус, и тоже слегка обугленными по краям. Текст на них будто сопротивлялся чтению: буквы извивались, меняли форму, складывались в узоры, которые на мгновение напоминали лица — искажённые, застывшие в крике.

Герой начал читать, и с каждым словом ему казалось, что воздух в комнате становится горячее.

«Сегодня мы приблизились к истине. Формула почти завершена. Но истина обжигает. Она не даёт ответов — она пожирает тех, кто пытается её удержать. Мы называем это „воротами Парацельса“, хотя Парацельс, возможно, ужаснулся бы тому, что мы делаем от его имени. Он искал способ исцелять, мы ищем способ перешагнуть через смерть. И мы готовы заплатить любую цену. Даже если цена — наши души».

На одной из страниц был набросок схемы: круг, разделённый на сегменты, в каждом из которых были указаны этапы ритуала. В центре круга — надпись: «Ворота пепла». А рядом, мелким, дрожащим почерком, приписано: «Тот, кто войдёт, станет огнём. Тот, кто выйдет — пеплом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.